

А н д р е й
Д у д а р е в

ТЕОЛОГИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

Андрей Дударев

Теология публичного пространства

«Алетейя»

2017

УДК 271.2
ББК 86.37

Дударев А. Н.

Теология публичного пространства / А. Н. Дударев — «Алетейя»,
2017

ISBN 978-5-906980-16-8

Современный верующий человек испытывает известную «ностальгию по настоящему»... В теологическом смысле это означает, что удовлетвориться только великими событиями Священной истории он не может и не хочет... Он хочет быть соучастником Божественной жизни «здесь и сейчас». Однако как ему осмыслить настоящее? Большинство сильных умов занимается как раз анализом прошлого. Считается, что настоящее – удел людей легкомысленных, новостных дикторов и публицистов, а глубина и высота становятся заметны лишь с некоторой дистанции... В данной книге собраны попытки автора участвовать в публичном пространстве общения на церковные и околоцерковные темы последних лет. Он размышляет и о старых (но окончательно не решенных) вопросах (как, например, вопрос взаимоотношения Церкви и государства), и о громких духовно-политических резонансных событиях, касается сугубо современных реалий (как, например, духовное движение, возглавляемое священником Георгием Кочетковым). Несмотря на кричащую пестроту современной церковно-общественной палитры, думается, за этим смешением красок можно попытаться увидеть в незримой глубине свет вечности, и может быть тогда откроется в происходящих событиях сила и премудрость Божья?

УДК 271.2
ББК 86.37

ISBN 978-5-906980-16-8

© Дударев А. Н., 2017

© Алтейя, 2017

Содержание

Предисловие автора	7
От «сакральности» власти к сакральности жизни	9
Внутрицерковная ситуация и ответственность церковных элит	12
Конспирологические версии вместо разделения ответственности	15
Издержки пубертатного периода? Кафедра теологии в МИФИ как зеркало отношений Церкви и общества	16
Вулканическая деятельность в общественной жизни	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Андрей Дударев
Теология публичного пространства

© А. Н. Дударев, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

Предисловие автора

Предметом исследования для теолога является обычно какое-то событие, где так или иначе проявило себя Божественное. Либо это может быть изучение свидетельства об этом событии. Уже на основании этого создаются доктрины, концепции, догматы и каноны...

Можно также говорить о той или иной человеческой деятельности и рассматривать эту деятельность в связи с Божественным, т. к. Бог согласно библейской картине мира входит в активное взаимодействие с человеком.

Бог проявляет Себя в человеческой деятельности...

Так, уже вполне устойчивым стало такое выражение, как «теология истории»... А известный немецкий теолог Пауль Тиллих одну из своих работ озаглавил «Теология культуры».

Не означает ли подобная «перенастройка» фокуса внимания от священных текстов к пространству типично человеческому попытку расширить зону осознанного в Божьем промысле? Конечно, при этом ответственность за такую попытку только увеличивается, а сложность умножается.

Характерно также то, что теолог обычно занимается тем, что было... в том смысле, что поток времени унёс происшедшее довольно далеко от настоящего момента. Там, в прошлом происходили великие события Священной истории, там формировалось предание и закладывались основы вероучения. А что же сейчас? Неужели Бог оставил человека? Неужели Его действия недоступны для восприятия, понимания и усвоения? Думать так не означает ли постулировать неверие?

Современный верующий человек испытывает известную «ностальгию по настоящему»... В теологическом смысле это означает, что удовлетвориться только прошлым он не может и не хочет... Он хочет быть соучастником Божественной жизни «здесь и сейчас».

Однако как ему осмыслить настоящее? Большинство сильных умов в т. н. гуманитарной области (историки, социологи, философы, религиоведы, богословы) занимаются как раз анализом прошлого. Считается, что настоящее – удел людей легкомысленных, новостных дикторов и публицистов, а глубина и высота становятся заметны лишь с некоторой исторической дистанции...

Но так ли это на самом деле?

Ведь, скажем, во времена Христа, это настоящее было в известном смысле больше и глубже прошлого! Может быть, вся проблема в том, что удержаться в этом настоящем, не потеряв измерение вечного, сложнее?

В этой связи можно сказать о том, что сила слова, звучащего в настоящем, больше. Это слово способно менять реальность, возвышаясь до слова творящего, Божьего Слова...

В таком смысловом контексте профессия публициста, как человека, обращающегося к широким массам, обществу наделяется дополнительным значением... Если бы только публицисты осознали это! Если бы только они за мерцающей тканью настоящего не забывали бы и о вечном!

Раскрывать Божественные действия в настоящем, а не только перемывать косточки недругам – вот настоящая задача пишущего и говорящего человека...

Конечно, после такого патетического начала необходимо добавить известную долю иронии, сказав, что всё это относится к некоему почти недостижимому идеалу...

Но всё же, но всё же...

А теперь немного о данной книге.

В ней собраны некоторые мои попытки участвовать в публичном пространстве общения на церковные и околоцерковные темы последних лет. Я пробую размышлять и о старых (но окончательно не решенных) вопросах (как, допустим, вопрос взаимоотношения Церкви

и государства), и о громких духовно-политических резонансных событиях, касаюсь сугубо современных реалий (как, скажем, духовное движение, возглавляемое священником Георгием Кочетковым), не забывая и про ярких персон «от религии», пытаюсь искать примеры для подражания...

Несмотря на кричащую пестроту современной церковно-общественной палитры, мне думается, за этим смешением красок можно попытаться увидеть и нечто другое...

Может быть, нет-нет, да и мелькнет где-то в незримой глубине свет вечности, и откроется в происходящих событиях сила и премудрость Божья?..

Андрей Дударев

От «сакральности» власти к сакральности жизни

Допустимо ли использование библейских смыслов, связанных с темой сакрального, применительно к нашему времени? И в чём именно эти библейские смыслы заключаются? Попробуем поразмышлять об этом.

В последнее время в связи с периодом выборов и предстоящей инаугурацией президента вновь в том или ином виде появлялась в СМИ тема сакральности власти. Говорят, например, что «нам русским трудно жить без сакральности власти. Практически невозможно. Не потому, что мы холопы, а потому, что через власть, которая «всегда от Бога», хотим получить водительство Божие. Хотим, чтобы властитель был не только сильным, но добрым, справедливым, правящим по совести»¹. При этом предполагается, что, поскольку президентская власть – власть с довольно большими полномочиями, то и относиться верующему человеку к этой власти нужно соответственно тому, как об этом свидетельствует нам Писание. Обычно здесь приводят известные слова апостола Павла «нет власти не от Бога» (Рим. 13:1) или вспоминают, что библейские цари Давид и Соломон были не только правителями, но и, очевидно, любимыми и водимыми Богом людьми, а, значит, царь, властитель (или в нашей исторической действительности – президент) – если и не говорят, то подразумевают апологеты сакрального отношения к власти – помазанник Божий.

Однако попробуем всё-таки пристальнее всмотреться в Священную историю (мы в данном контексте будем говорить об иудео-христианской традиции). И обратим внимание на то, как тема сакрального присутствует в ней. И допустимо ли использование библейских смыслов применительно к нашему времени?

В Священном писании *сакральное* в народе Божьем тождественно *священному*, *святому* (можно ещё говорить о сакральном применительно к языческим культам, но это не наш случай). Тема священного связана с темой *отделенного* и *освященного*. Можно говорить о священном пространстве и священном времени, священниках и избранниках Божиих.

В Ветхом завете с темой священного пространства неразрывно соединена тема присутствия Божьего. Так, Бог открывается Моисею у горы Синай (Исх 3:1–6), и поскольку Моисей приближается к тому месту, где является *слава Божья*, это место становится в тот момент времени святым (Бог Моисею велит снять свою обувь). Далее, присутствие Божье, слава, почитет сначала в Скинии, а затем в Святом Святых Ветхозаветного Храма. При этом сам народ Израиль получает статус святого народа, т. е. народа, взятого в удел, отделенного от прочих народов. Этот народ обязан соблюдать законы чистоты, чтобы принять освящение, т. к. освятиться согласно ветхозаветным ритуальным правилам может только чистое. Само освящение народа происходило посредством священников в Храме. И через освящение священное пространство расширялось на весь народ, если только этот народ оставался верен Господу. В этой связи все служения и дела в границах этого народа получают сакральный (священный) статус. В том числе и царское служение (хотя не только оно). Поэтому сакральность власти в ветхозаветное время в том числе в период, последующий за эпохой судей – когда само появление царской власти Богом характеризуется как уступка злу (1 Цар. 8:1–22) – неразрывно связана с сакральностью (священством) всего народа и в отрыве от этого священства народа не существует.

Конечно, в Библии упоминаются и другие, не входящие в народ Божий властители такие, как персидский царь Кир, вавилонский царь Навуходоносор, халдейский царь Дарий, Алек-

¹ Александр Щипков. «Путин. Потеря сакрального. «Русским трудно жить без сакральности власти». Код доступа в интернете: http://www.religare.ru/2_92993.html.

сандр Македонский и многие другие. О них тоже – опираясь на так называемый монотеистический принцип единства всего бытия, согласно которому все силы в мире находятся в «руке Божьей» – можно говорить как об особых, избранных людях, через которых Господь творит свой промысел, наделяя этих «избранников» огромными властными полномочиями. Но в отрыве от священного пространства, о котором мы говорили в предыдущем абзаце, и, соответственно, от народа Божьего все эти властители находятся как бы на «изнанке» Божественного промысла, не входя в глубинные внутренние отношения богообщения, как это мы наблюдаем, когда речь идет об избранниках Божьих в Израиле. Их статус в жизни избранного народа – «технический», они лишь олицетворяют внешнюю силу Божью, «мышцу Господню», но нет совершенно никаких оснований говорить о каком бы то ни было духовном авторитете этих людей.

В новозаветное время священное пространство динамически перемещается вместе с общиной учеников Христовых. Одно из древних пониманий слов молитвы «Отче наш» «да приидет Царствие Твое» означает: да придет Царство Твое (т. е. священное пространство в нашем рассуждении) туда, куда мы придем. Это означает, что Царство Божье и сакральная община (церковь) в этом смысле тождественны (через церковь человек имеет возможность приобщиться небесной жизни). Теперь в эту сакральную общину открыт вход язычникам: «что Бог очистил, того ты не почитай нечистым» (Деян.10:15). Причем в общинном собрании происходит и освящение – через нового Первосвященника, воскресшего Господа Иисуса Христа. Одна из главных ехаристических молитв: «ниспошли Духа Твоего Святого на нас» (русский перевод). В исторической перспективе святое пространство особого действия Духа Божьего призвано распространиться на все народы. Евангельский образ закваски (Мф. 13:33) очень красноречиво иллюстрирует это. Тот, кто находится внутри священного пространства (церкви), находится как бы внутри действия Божественного промысла, он на пути жизни. Но по-прежнему остается ещё «изнанка» Божественного промысла с целым сонмом таких же «технических» властителей, как это было и в ветхозаветные времена.

Поэтому слова апостола Павла «нет власти не от Бога» (Рим. 13:1) нужно понимать, на наш взгляд, в том смысле, что не всё находится в зоне нашей ответственности. Не всегда можно повлиять на социальный порядок или на те или иные объективные условия существования. И в этом смысле разумнее не восставать против власти прямо («отдавайте кесарево кесарю» (Мф.22:21), а «возделывать» то пространство жизни, которое доверено лично тебе, и за которое ты хоть как-то можешь отвечать. И в этом смысле статус правителей, о которых говорил апостол Павел, – такой же как в ветхозаветное время, т. е. это всё та же несакральная, но с властными полномочиями череда киров, Навуходоносоров и дариев...

Можно говорить, что изменение отношения к власти и властителям в христианском сознании начинается со времен императора Константина Великого (272–337 гг.), который наряду с организацией нового государственного устройства сделал христианство господствующей религией во всем римском государстве. С этого времени стало возможным называть того или иного правителя христианским, т. к. у христианства уже был официальный государственный статус. Однако важно заметить, что сам Константин называл себя «епископом внешних дел» и принял крещение только перед смертью. Это в нашем рассуждении существенно. Соотношение власти и священного пространства – особая тема в христианском религиозно-философском творчестве. Человек может иметь властные полномочия и вне и внутри церковного собрания (быть, скажем, государственным чиновником или епископом (слово «епископе» в переводе с греческого означает управление), но, чтобы сохранить состояние освященности, ему нужно не только вести общепринятый для всех христиан образ жизни, но и преодолеть то, что называется искушением властью, а это, учитывая, что властное положение связано со всевозможными внутренними соблазнами и внешними интригами, бывает очень непросто. Поэтому властьпридержащие нередко «выпадают» из священного пространства, расцерковля-

ются, хотя при этом могут и сохранять номинальную приверженность христианскому культу. Проблема «выпадения» властителей из священного пространства была, конечно, и в ветхозаветное время (не случайно, так трудно найти тех, кто хотя бы близко был похож на библейских Давида и Соломона), но для христианских государств она стала своего рода раковой опухолью, изнутри разъедающей церковное тело там, где, казалось бы, наступало торжество симфонического единства церкви и государства. Поэтому в заглавии статьи слово «сакральность» в словосочетании «От "сакральности" власти» нами было взято в кавычки. Увы, но слишком мало поводов говорить о сакральности в исконном смысле этого слова.

Не удивительно, что многие из ревнителей веры – те, для кого жизнь в единстве с Богом и предстояние перед Ним «в Духе и истине» были первичным основанием для экзистенциального выбора, те, кто не желал идти на компромисс – входили в компенсаторные духовные движения как монашеского, так и немонашеского типа. Движения эти за редким исключением (к каковому, кстати, можно отнести духовное движение, у истоков которого стоял преп. Сергей Радонежский, но это особый случай, заслуживающий отдельного рассмотрения) дистанцировались от властей. Главным внутри них было сохранение именно сакральности жизни – т. е. жизни, при которой «выпадения» из священного пространства не происходит.

Поэтому прежде, чем говорить о сакральности власти, необходимо обрести сакральность жизни, «родиться свыше» и научиться не терять благодати Святого Духа – «не выпадать» из сакрального пространства богообщения. Островки духовной жизни – это та евангельская «соль земли», которая способна катализировать положительные процессы в общественном организме.

А, если уж мы всё-таки решаемся ставить вопрос о сакральности власти в полном смысле, то начинать решать этот вопрос нужно с того, чтобы привести общественные и государственные институты (и церковные, кстати, тоже) в то состояние, при котором почва для этого могла бы быть подготовлена. Как уже говорилось, освятиться может только чистое или то, что «Бог очистил». Поэтому прежде, чем говорить об освященности власти (т. е. включения её в сакральное пространство), нужно поставить вопрос о её «чистоте»². И в этой связи нельзя не учитывать, что «чистота» эта с гораздо большей эффективностью достигается не демонстрацией православной обрядности, а следованием по пути универсальных этических ценностей с вытекающими из них всем хорошо известными нормами: прозрачностью государственного управления, отсутствием коррупции и хищений, наличием четких механизмов сменяемости власти, организацией честных выборов и самоуправления на местах, защитой прав и свобод граждан, наличием независимых справедливых судов и т. д.

Т. е. работы на пути очищения «авгиевых конюшен», как не трудно догадаться, непочатый край. Но от неё никуда не уйти – это тот необходимый «очистительный» общественный труд, без проведения которого говорить о какой-либо сакральности власти не приходится.

На первый взгляд, это выглядит как десакрализация, но на самом деле это всего лишь освобождение от ложной, по сути языческой сакрализации.

Май 2012 г.

Публикация в СМИ: www.portal-credo.ru

² Понятно, что такая постановка вопроса и употребление слова «чистота» выглядят как некий анахронизм, поэтому мы и используем в данном случае кавычки. Но, если мы говорим о смыслах, то необходимо отметить, что уже у ветхозаветных пророков можно обнаружить смещение акцентов в понимании того, как нужно соблюдать Тору. Смещение это происходило с ритуальной стороны на этическую, когда чистота и нечистота больше зависят от того, как человек соблюдает т. н. внутреннюю, нравственную Тору.

Внутрицерковная ситуация и ответственность церковных элит

С коллективного обращения верующих к Патриарху Кириллу о помиловании Pussy Riot в России может начаться церковно-гражданское движение. Какое место отводится в нём тем, кто претендует на звание церковных элит?

В настоящее время церковная жизнь становится всё более и более публичной в том смысле, что всё большее количество людей вовлекается, скажем так, в некое словесное пространство обмена мнениями. Конечно, этот процесс начался не сейчас, но именно сейчас в связи с развитием Интернет-СМИ и особенно блогосферы мы можем наблюдать, пожалуй, наивысшую по активности степень общения.

Конечно, в этом направлении церковная жизнь следует за общественной жизнью, и всё менее в церковной жизни становится тайного, которое не делалось бы явным, т. е. – в контексте публичности – выставленным на всеобщее обозрение и обсуждение. Причем многие из церковного люда искренне оказались в недоумении: зачем, дескать, это показывать и об этом говорить? Не лучше ли в церкви говорить исключительно об учении Церкви, а всю неприглядную конкретику церковной жизни спрятать подальше от людских глаз и злых языков? Но у промысла Божия, вероятно, на этот счет есть свои ответы, которые вполне для кого-то могут оказаться не совсем приятными...

Можно сказать, что сейчас, если не сложилась ещё, то активно складывается некая виртуально-дискуссионная церковная площадка, глобальный «форум» или «вече» – т. е. прослойка интернет-читателей и интернет-писателей, которая становится всё более определяющей в церковно-общественной жизни. И, если сейчас с этой прослойкой пока ещё мало считаются, то в будущем, скорее всего, именно она будет наиболее влиятельной силой, неким масштабным «кворумом», к которому будут апеллировать те или иные церковно-общественные деятели.

Причем потенциальная «энергетика» этой площадки ещё до конца не выявлена, но, очевидно, что она очень большая. Скрытые силы пограничной церковно-общественной зоны были со всем успехом продемонстрированы благодаря явлению Pussy Riot. Как говорит теоретик искусства Борис Гройс, «Pussy Riot зафиксировали и открыли вниманию общества сложные отношения между сакральным и секулярным пространством, между искусством и религией, искусством и законом. Они всю эту зону сделали явной. Поэтому общество возбудилось и начало это обсуждать». Характерно, что даже сама королева эпатажа гламурная Ксения Собчак во вручении «серебряной калоши» Патриарху Кириллу по сути пошла на поводу именно у этого антиклерикального тренда, заявленного P.R.

Однако вряд ли аморфная и неоднородная интернет-масса, представляющая из себя как бы кипящий котел, будет всегда оставаться таковой. Вероятно, что это сквозное пространство общения и различных влияний будет всё более и более структурироваться. Это уже и сейчас происходит. Появились и появляются интернет-сайты, как магнитом собирающие вокруг себя представителей различных церковных кругов. Как пчелиные матки пчелами, обрастают френдами популярные блогеры. Простые верующие, с недоверием всматриваясь в экран монитора, ищут ориентиры, на которые можно было бы опереться и которым довериться...

Очевидно, что мы наблюдаем некий процесс, в ходе которого меняется соотношение внутрицерковных сил. Появляются также новые силы, так или иначе претендующие на то, чтобы называться церковной элитой. Хочу сразу оговориться, что под словом «элита» я понимаю не т. н. гностический элитизм, а всего лишь социологическое понимание этого слова, т. е.

тех лиц, кто обладает наибольшим влиянием. Однако, прежде чем говорить о новых элитах и их ответственности (т. к. элитарность подразумевает особую ответственность), зададимся вопросом: есть ли вообще эти церковные элиты, и, если есть, то кто они?

На настоящий момент при беглом огляде можно выделить такие вот потенциальные корпоративно-элитарные группы:

1. Священноначалие. Элитарность этой группы закреплена институционально. С ней связана как вросшая вглубь веков традиционность, так и известная иерархическая зависимость, по большей части блокирующая развитие самостоятельной линии поведения. Эта зависимость редко когда дает возможность «встать в полный рост», но зато у тех, кому это всё-таки удастся (как, например, о. Павел Адельгейм) голос звучит очень сильно, и многие к нему прислушиваются.

2. Люди, занимающиеся церковной наукой. К этой группе можно отнести как преподавателей духовных академий, семинарий и других учебных заведений, аккредитованных в РПЦ МП, так и религиоведов, модных нынче библеистов и преподавателей других дисциплин в учебных заведениях, не имеющих такой аккредитации. Те из преподавателей и церковных ученых, которые находятся внутри структур РПЦ МП, также зависимы, как и священноначалие (хотя и в меньшей степени), те, кто вне – в этом смысле свободны. Общим для этих людей является то, что стержневые компетенции представителей указанной группы находятся внутри преподаваемых дисциплин и, как правило, оторваны от конкретики текущего момента в церковно-общественной ситуации. Поэтому тот или иной специалист, претендующий на влияние в современности, вынужден искать его на поприще публицистики, часто чужой для него. И далеко не всегда успешный ученый становится таким же успешным публицистом. Но опять же, есть те, кому это удастся (как, например, библеист Андрей Десницкий), и тогда влияние этих людей многократно увеличивается.

3. К этой группе относятся авторитетные батюшки и старцы – как правило, адекватные священники и взвешенные духовники. Они способны давать духовные наставления, к которым прислушиваются, и вести за собой. Но влияние этих людей ограничивается, в основном, личным общением или сравнительно небольшим кругом почитателей. К тому же они, обычно, дистанцируются от «высокой» церковной политики. Однако нередко духовничество и начитанность в святоотеческой литературе сопровождается недостаточной образованностью и практичностью в светских областях знаний и жизни, что делает умеренный фундаментализм в этом случае весьма вероятным. Ещё необходимо отметить, что сейчас и эта группа влияния становится более публичной. Достаточно вспомнить, как часто, например, духовник Оптиной пустыни старец Илий стал появляться на просторах Интернета с видео-интервью.

4. К этой группе можно отнести тех или иных известных людей, кто ассоциирует себя с православной традицией. Это могут быть писатели и актеры: от Петра Мамонова до Юрия Арабова и от Людмилы Улицкой до Ольги Седаковой, врачи, бизнесмены, политики... Основное, что здесь является объединительным фактором, это то, что известность к этим людям пришла вне церковных стен и поэтому остается открытым вопрос укорененности этих людей в церковной традиции. И здесь речь идет часто о светской, а не церковной элитарности. Прихожане со стажем, начитанные в святоотеческой литературе и наизусть знающие церковные службы, могут весьма недоверчиво воспринимать этих людей, считая те или иные их мнения и поступки не духовными, а всего лишь интеллигентскими. Зато образованная часть православной общественности относится к ним с большой симпатией.

5. С этого пункта мы уже начинаем говорить о т. н. новых элитах. Сюда можно включить редакторов и публицистов популярных интернет-СМИ и блогеров. Эта группа всё более и более увеличивает свое влияние, привлекая читателей острыми и скандальными темами. Иногда в этих темах звучит чуть ли не пророческий нерв времени, но часто, к сожалению, интернет-писателям не хватает глубины и богословского образования.

6. Эта часть новой элиты пока ещё не очень заметна, но тоже, как и в предыдущем случае, она увеличивает свое влияние. К ней относятся активные, небезразличные, богословски образованные, воцерковленные миряне, формирующие из себя так называемый церковный демос или ответственный народ Божий (в богословской литературе этот народ часто называют лаиками). Эти люди вполне могут принимать активное участие в церковно-приходской и церковно-общественной жизни. Они свободны и, как правило, финансово обеспечены, поэтому могут быть бескомпромиссны и требовательны...

Мы заговорили о корпоративно-элитарных группах в связи с зарождением, на наш взгляд, церковно-гражданского движения. Началом такового движения, наверное, можно считать коллективное обращение верующих с письмом к Патриарху Кириллу с просьбой ходатайствовать перед светскими властями о помиловании Pussy Riot. Письмо это, по стилю совершенно мирно написанное, носит, очевидно, непримиримый характер и напоминает отчасти митинги на Болотной и Сахарова. Из церковной среды выделяются некие люди из всех элитарных групп, обозначенных выше, которые берут на себя ответственность вмешиваться в церковную макрополитику. И патриархия уже не может от этих людей просто так отмахнуться, назвав их предателями в рясах и без ряс. Сделав это, она рискует поставить себя в то же положение, которое поставил себя президент Путин, – т. е. люди перестанут считать Патриарха Кирилла своим, как они перестали считать своим президента. А это чревато самыми серьезными и непредсказуемыми последствиями...

Но очень важно, чтобы новые элиты всё-таки стали осознавать себя таковыми, а, значит, мы вправе ожидать от них тех действий, которые соответствовали бы их статусу духовных и моральных авторитетов. Ведь, никто ещё не отменял высказанный в древности духовный принцип: кому больше дано, с того больше и спрашивается (Лк 12:48).

Если же элиты не справляются с той ответственностью, которая на них возложена Богом и народом, может произойти смена элит – т. е. на их место придут другие.

Июнь 2012 г.

Публикация в СМИ: www.portal-credo.ru

Конспирологические версии вместо разделения ответственности

Не слишком ли уводят в сторону конспирологические версии фронтменов российского медиабогословия по поводу дела Pussy Riot?

Недавно в интервью «Новой газете» дьякон Андрей Кураев предположил, что за акцией Pussy Riot стоят серьезные политические игроки (<http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=94194&type=view>). Ранее в апрельском эфире телеканала «Дождь» библиист Андрей Десницкий также высказывал мнение, что весенние церковные скандалы раздуты пиартехнологами: http://tvrain.ru/articles/russkayapravoslavnaya_tserkov_napadaet_ili_zashchishchaetsya-39212/

Конечно, ещё с советских времен мы привыкли к тому, что человек может быть лишь фигурой (обычно, пешкой) в чужой игре, что часто за теми или иными событиями надо искать чью-то чужую руку, невидимого режиссера (поэтому так популярны были отсылки к мировому империализму или жидомасонскому заговору). Особенно этот невидимый режиссер должен присутствовать тогда, когда происходит какое-то громкое событие. Если произошло громкое событие Pussy Riot, значит, это чей-то заказ. Причем, в этот заказ каким-то образом, по этой логике, оказалась вовлечена и тяжеловесная церковная иерархия, включая самого Патриарха Кирилла...

Но не слишком ли в данном случае перегибают палку фронтмены российского медиабогословия, увлекаясь конспирологией?

Событие Р.Р. слишком иррационально, чтобы его можно было вписать в рамки обычной политической борьбы. Причем эхом вслед за этим событием зазвучали совсем другие, отнюдь не ангельские голоса уже изнутри обычно значительно молчащей в таких случаях патриархии... И голоса эти обнажили серьезные проблемы уже не столько в российском обществе, сколько в самом «министерстве любви», каким в последнее время всё чаще вслед за ироничной фразой Оруэлла пытаются представить РПЦ.

Не лучше ли в этой ситуации обернуться от «внешних врагов» к «внутренним» и попытаться увидеть истинные причины позора и скандала? В этом могла бы быть ответственная позиция думающих людей. И понятно, что причины эти совсем не связаны с девушками из Pussy Riot, а вытекают из системного церковного кризиса.

Август 2012 г.

Издержки пубертатного периода? Кафедра теологии в МИФИ как зеркало отношений Церкви и общества

На минувшей неделе новостная лента пестрила сообщениями, так или иначе связанными с кафедрой теологии в МИФИ, что вынуждает нас говорить об очередном скандале на почве отношений Церкви и общества. На этот раз более 90 членов-корреспондентов и академиков Российской академии наук подписали обращение с требованием прекратить деятельность кафедры теологии.

Основной посыл письма заключался в том, что, во-первых, появление кафедры теологии в техническом ВУЗе – нонсенс, а во-вторых, нарастающая клерикализация общества проникла теперь и в научные круги.

Запомнилось также сообщение об увольнении в знак протеста против кафедры теологии сотрудника МИФИ Антона Буслова.

В ответ на письмо академиков и на увольнение сотрудника МИФИ с попыткой апологетики кафедры выступили протоиерей Всеволод Чаплин, протоиерей Владимир Шмалий, дьякон Андрей Кураев и другие священнослужители. Однако их мнения не вызвали серьезной общественной поддержки, и скандал не прекратился.

Попробуем разобраться, в чем тут, действительно, проблема.

Одна сторона проблемы связана с научностью самой теологии как универсальной научной дисциплины. Сделать теологию наукой в полном смысле мешают два основных фактора.

Это невозможность по своему произволению повторить духовный опыт (что исключает проверяемость, как в физике, например, когда речь идет о повторении эксперимента). И второй фактор – одновременное существование часто во многом противоречащих друг другу различных религиозных и конфессиональных теологических концепций.

С первым фактором преподаватели теологии обычно смиряются и преподают лишь историю теологии (при этом те, кто хотят постигнуть истину на собственном опыте, обычно стараются дополнить рациональное познание самой жизнью, личным духовным поиском, какими-то аскетическими практиками, иногда даже противопоставляя их собственно теологическому образованию).

А вот второй фактор неистребим до тех пор, пока существуют различные религии и конфессии. Именно невозможность одинакового взгляда на все вероучительные положения препятствует созданию некоей единой теологии. Если единая химия, биология, геометрия... существуют, то единой теологии – не существует. Во всяком случае, пока.

И в этом смысле попытка навязать какую-то одну узкоконфессиональную теологию в строгом научном смысле несостоятельна и воспринимается как идеологический прессинг. Ученые, люди с развитым критическим мышлением, возмущались совершенно оправдано: хотите преподавать теологию, преподавайте её так, как преподают философию, представляя широкий спектр мнений, а не как марксизм-ленинизм. У многих ещё с советского времени живы в памяти абсурдные обоснования господствующей идеологии вроде того, что «учение Маркса всесильно, потому что оно верно». Опасение ученых не напрасно. За узкоконфессиональной теологией вполне может скрываться т. н. клерикальная экклезиология как разновидность тоталитарной идеологии...

Но это, как мы сказали выше, лишь одна сторона проблемы.

Другая сторона связана с тем, что Церковь (естественно, с церковной точки зрения) – сакральная реальность, в которой раскрывается действие Духа Божьего. И границы этой сакральной реальности подвижны. Однако всё, что связано со сдвигом сакральных границ, чревато непредсказуемыми последствиями.

Прошлогодний пример, сильно всколыхнувший всё медиапространство, – это событие Pussy Riot. Повторим слова, сказанные в этой связи известным культурологом Борисом Гройсом: «Pussy Riot зафиксировали и открыли вниманию общества сложные отношения между сакральным и секулярным пространством, между искусством и религией, искусством и законом. Они всю эту зону сделали явной. Поэтому общество возбудилось и начало это обсуждать»³. В лице P.R. определенная часть общества обратилась к Церкви, попытавшись войти в общение с иной реальностью. Это была попытка сдвига сакрального пространства со стороны общества.

А что же Церковь?

Церковь, осуществляя «великое поручение» своего основателя Иисуса Христа, призвана сдвигать сакральное пространство в другую сторону, расширять его. В этом её миссия.

И открытие кафедры теологии в МИФИ можно вполне воспринимать как неуклюжую попытку такого сдвига. Это своего рода анти-Pussy Riot. Как и в первом случае, широкий резонанс в СМИ, свидетельствующий о «колебаниях почвы», произошел. Почему эту попытку можно считать неуклюжей? Потому что формы, использованные для некоего меседжа Церкви, были выбраны неудачно. Возникает ощущение, что Церковь только и способна на то, чтобы застолбить место: построить храм, установить поклонный крест или повесить икону, защитить чувства верующих, навязать экклезиологическую модель... Это ли реальность Духа, который «дышит где хочет» (Иоан. 3:8)? Это ли общение и диалог Церкви и общества? Не слишком ли бедно для XXI века? Проблема представителей Церкви и РПЦ в частности в том, что эти представители часто не хотят или не могут искать подходящие способы взаимообогащающего диалога, калькируя давно отжившие формы миссии...

То, что мы сейчас наблюдаем в отношениях Церкви и общества похоже на подростковый невроз, когда юноши или девушки хотят, но не могут установить отношения с противоположным полом. Взаимный страх клерикалов перед обществом и секуляризированной частью общества перед религиозностью в том или ином виде...

Может быть, пора пройти эту подростковую фазу развития отношений и повзрослеть?

Июль 2013 г.

Публикация в СМИ: www.religiopolis.ru

³ Журнал «Афиша», <http://www.afisha.ru/article/boris-grojs-o-pussy-riot-fundamentalistah-i-zasil-e-videorolikov/>

Вулканическая деятельность в общественной жизни

О видимом и невидимом в общественной.

Извержение вулкана – лишь следствие более глубоких процессов, происходящих в недрах планеты (к ним можно отнести, например, сдвиг материковых плит). Поэтому само видимое извержение – лишь следствие чего-то невидимого или трудно видимого...

Не так ли и в общественной жизни? Не редко можно слышать сравнения: бесправие в нашей стране подобно бесправию 37-го года, государство становится авторитарным и т. д.

Но если внимательнее присмотреться к тем процессам, которые мы наблюдаем в общественной жизни, то, по-моему, это лишь поверхностное подобие, тогда как «на глубине» происходит что-то совсем другое.

Власть посадила Ходорковского, выгнала Чичваркина... Но сколько шума вследствие этого поднялось! Разве так было в сталинские 30-е? Тогда таких «дел» были десятки и сотни тысяч!

А разве возможен был тогда диалог Путина и Шевчука, где Путин выглядел крайне несимпатично? В те годы Шевчуку бы просто не дали спокойно уйти домой.

Коммунисты, националисты, радикалы всех мастей в 20-ом веке были доминирующими общественными силами. А сейчас это маргинальные, вырождающиеся политические пенсионеры.

Конечно, происходит динамика форм, и порой те же «гады» выползают под другими знаменами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.